

Р2.
А46-1

Иван Александров

ЩЕГЛЫ

Pa
746-1

Иван Александров

ЩЕГЛЫ

*Лирические тетради
разных лет*

39205-34
✓

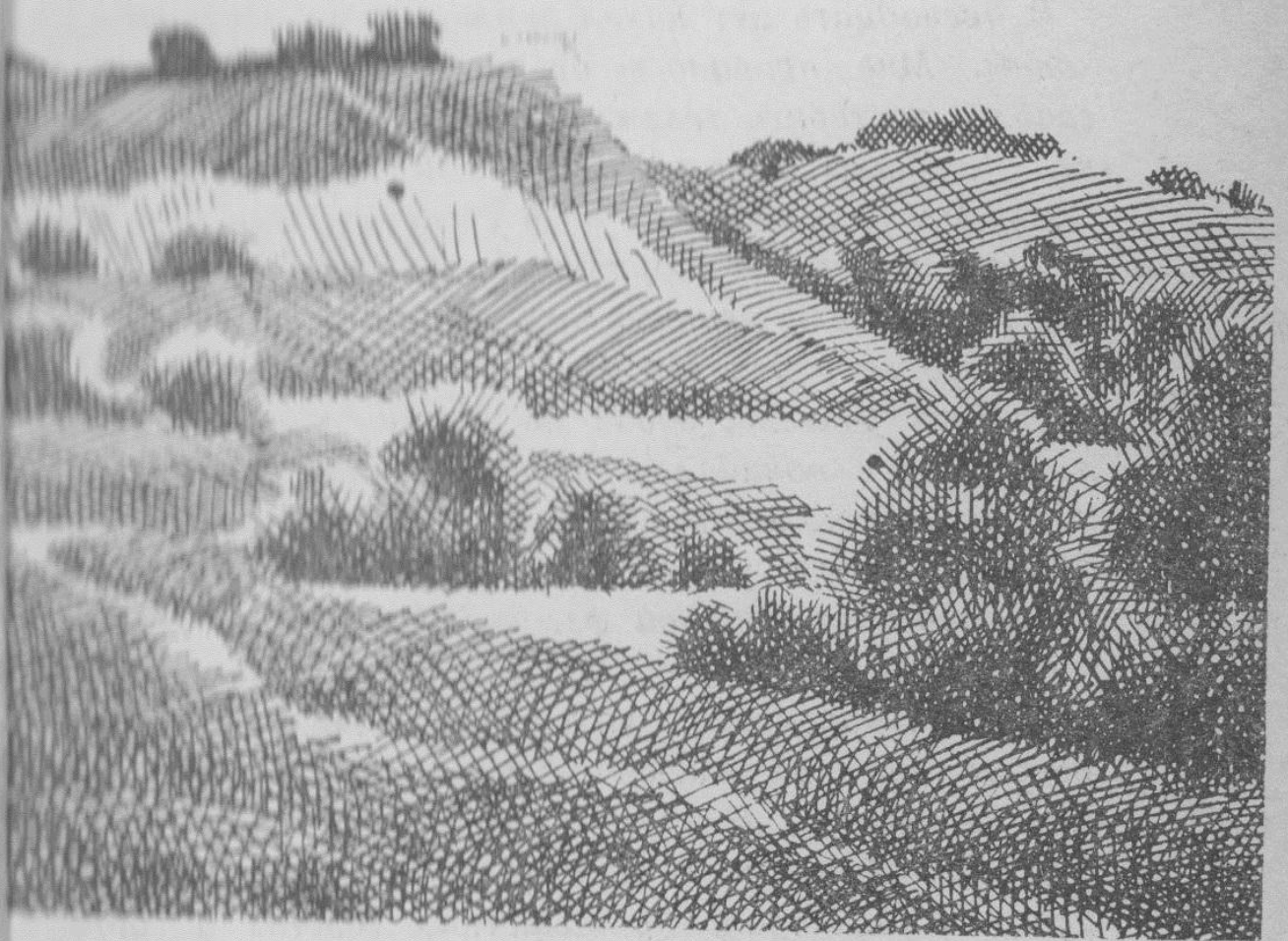

Мценская ЦБС
Орловская обл.

1 | Мценская
ЦБС

ТУЛА
ПРИОКСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991

* I *

P2
A46

Рецензенты

В. П. ДРОННИКОВ,
В. Г. ЕРЕМИН — члены Союза писателей СССР

Художник А. Глушаков

Александров И. В.

А 46 Щеглы. Стихи.— Тула: Приок. кн.
изд-во. 1991.— 95 с., ил.

ISBN 5-7639-0240-8

Новая книга поэта из Мценска, члена Союза писателей СССР представляет собой собрание лучших стихов разных лет. С душевным теплом, с доброй улыбкой пишет Иван Александров о самом дорогом в родном краю, вспоминает детство и юность, делится раздумьями о любви, о трудной судьбе орловской деревни, о красоте и силе русского человека.

P2

А $\frac{4702010202-101}{M 154(03)-91}$ 39—91

© Приокское книжное
издательство, 1991.

ISBN 5-7639-0240-8

О СЕБЕ

В дальнем, тихом уголке Мценского района затерялась среди раки и черемух неприметная деревушка Гудиловка. Здесь 15 февраля 1932 года я и появился на свет божий.

Бабушка говорила, что это было Сретенье: весна встречалась с зимой, ярко светило солнце, с крыши падала капель. О бабушке осталась добрая память. Она знала уйму сказок. В долгие зимние вечера я слушал ее с замиранием сердца.

Война оборвала детство. Навсегда запомнились крапивные немецкие шинели, обжигающие глаза, пыльные и грязные дороги, уводящие из родного дома, дырявые лесные шалаши, где коротались бессонные ночи.

В двенадцать лет пахал землю, косил луга, возил копны. Мне нравилось отбивать косы, справлять грабли, мастерить тележки. Мужчины были на войне. Женщины ждали их и пели грустные песни. Частушки и песни были моей страстью. Они до слез волновали меня и побуждали к творчеству. Первая рифма настигла меня за школьной партой.

В 1948 году уехал в Тулу. После окончания пединститута учительствовал на Алтае, служил в армии. Всякое повидал и пережил. Меня всегда неудержимо тянуло домой: помечтать у тургеневского дуба, погреться у ребячьего костра на Бежином лугу, подышать буйной фетовской сиренью.

С 1958 года живу во Мценске. Работал инспектором роно, директором школы. Встречи с людьми, знакомство с их жизнью давали живой материал для творчества. Первое стихотворение было напечатано в 1951 году в альманахе «Литературная Тула». Публиковался в областных газетах и сбор-

никах, а также в журналах «Смена», «Подъем», «Москва», «Звезда».

В 1963 году в Орле вышел мой первый сборник «Подснежник». Позже в Туле появились «Земляника» (1966), «Ясень» (1969), «Анютини глазки» (1972), «Снежедь» (1974), «Журавинка» (1981). В 1974 году издательство «Современник» выпустило «Ядринку», в 1977 году «Советский писатель» — «Живые зерна».

Все эти книги близки и дороги мне, однако лучшая остается пока мечтой. В 1970 году был принят в Союз писателей.

Иван Александров.

СВЕТ

Э. М.

Знакомых дорог перекрестки,
Заливчатый звон бубенца.
Березки, березки, березки —
От Спешнева до Студенца.

Пойду по лесам спозаранку,
Увижу в рассветную рань
Берещино и Берестянку,
Березовку и Березань.

Я стану на древнем кургане.
Стою и гляжу не дыша:
От этих веселых названий
Невольно светлеет душа.

Знакомых дорог перекрестки,
Заливчатый звон бубенца.
Шумят над Россией березки —
И полнятся светом сердца.

СНЕЖЕДЬ

Это имя
Вьюгам не заснежить,
Никаким снегам не замести.
Я склоняюсь над тобою, Снежедь,
Чтоб слова любви произнести.

Ты бежишь
Такая светло-синяя,
Золотыми брызгами слепя.
Что-то есть
От снега и от инея,
Что-то есть
От солнца у тебя.

Скачешь ты
От омута до мели,
Шумно завихряясь и бурля.
Что-то есть
От вьюги и метели,
Что-то есть в тебе
От февраля.

Словно Русь,
Нежна и своенравна,
Ты хранила мужественно честь.
Что-то есть в тебе
От Ярославны
И от Несмеяны
Что-то есть.

Я бреду сквозь белые туманы,
За тобой в историю иду.
Не твоим ли именем
Снежану
Окрестили вятчи в роду?

Может быть,
Над этою долиной
Заливался Вятко соловьем.
Что-то есть
Былинное-былинное
В родниковом имени твоём.

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

То от Холопьева моста,
То с улицы Тургенева
Пахнет в лицо дымком костра,
Дымком костра осеннего.

Потянет свежестью реки,
Горчинкой полынковой,
И обветшалостью стрехи,
И стружкой сосновою.

Запахнет русской стариной,
Густой медовой бражкой,
И свежей корочкой ржаной,
И давней кавардашкой.

И снова на закате дня,
Сквозь дым и расстояния,
Из детства хлынут на меня
Волной воспоминания.

Возникнет в памяти моей
Зеленый выгон в Минине:
Дымки костров у шалашей
За фронтовою линией.

Июньский вечер тих и свеж,
Луна леском погашена,
И варят беженцы кулеш
У каждого шалашика.

И вот опять горят костры
Над Ядринкой и Зушею,
И терпкий дым иной поры
Заполоняет душу мне.

То от Холопьева моста,
То с южной территории
Пахнет в лицо дымком костра,
Дымком самой истории.

Повеет близким и родным,
Таким щемяще сладостным,
Таким по-детски озорным,
По-стариковски радостным.

И вдруг поймешь на склоне дней,
Что с самого младенчества
И горек он душе твоей
И сладок дым Отечества!

ЛЕГЕНДА О КУКШЕ

То водой, то сушью,
Сквозь собачий лай,
Пробирался Кукша
В вятический край.

— Киев-град стольный
Жалует сюда! —
Встретил хлебом-солью
Кукшу Борода.

Для такого гостя,
Расшибая лбы,
Брали на погосте
Белые грибы.

Кто-то с луком крался
К беличьей сосне.
Кто-то спешно мясо
Жарил на огне.

Был напиток бражный,
Было яств — не счесть.
Был великий праздник
В Кукшину честь.

Ну а Кукша мрачен,
Кукша удивлен:
— Вы меня дурачите? —
Обозлился он.

Гаркнул Кукша зычно,
Плюнул вниз с моста:
— Дьяволы, язычники,
Нет на вас креста.

Где же божье дело? —
Разъярился гость. —
Перебить всех белок?
Распахать погост?

Был тот окрик грозен,
Гневен и горяч.
Кто поклоны оземь,
Кто в истошный плач.

Горько иноверцам:
В чем их страшный грех?
Ведь они всем сердцем
Привечают всех.

— Что вы, черти, плачете? —
Рявкнул Борода. —
Не плошайте, вятичи!
Чуете: беда...

Где Сухая Зуша
Прорезает лес,
Проповедник Кукша
Под мостом исчез...

САМОРОД

Жили-были на Мецне
Мирные мецняне.
Жгли костер при луне
На большой поляне.

Полыхал в лесу костер
Высоко и рьяно.
Шел серьезный разговор
Против басурмана.

Доложил опять дозор,
Что из степи дикой
Надвигается разор
И полон великий.

Укрывался народ
От раскосой тучи
На горе Самород,
На высокой круче.

Наточили топоры,
Навострили стрелы,
Чтобы встретить у горы
Супостата смело.

Обложил Девлет-Гирей
В ночь глухую крепость.
Сон упрятал меж бровей
Лютую свирепость.

Был внезапен удар
Храброй мценской рати.
Потопил в реке татар
Воевода Татев.

Много лет кривился рот
У Девлет-Гирея:
— Кто о Мценске помянет,
Тот лишится шеи!

Лес шумел за рекой,
Грозный и дремучий.
Снова с юга над горой
Зависали тучи.

Разбивался вражий сброд,
Что валил веками,
О гору Самород,
О святые камни.

ЗАТИШЬЕ

Памяти Х. Н. Абрикосова

Речка ластится змейкой —
За изгибом — изгиб.
А на взгорке аллеика
Зеленеющих лип.

Груши, сливы да вишни
Разноцветно пестрят.
Это хутор Затишье —
Абрикосовский сад.

Жил когда-то ученый
Тут, в сторонке от сел,
Горячо увлеченный
Приручением пчел.

Зря не мям их роевней,
Не дразнил дымарем.
Восседали царевной
Матка в улье своем.

Пчелы мирно кружились
У родного летка
И послушно садились
На ладонь старика.

Дружелюбно, радушно
Их встречал пчеловод:
— До чего же вы дружный,
Работающий народ!..

Речка вьется, как змейка —
За изгибом — изгиб.
А на взгорке аллея
Абрикосовских лип.

Снова сливы да вишни
Белопенно цветут.
А глухое Затишье
Погружается в гуд.

На поляне былинной,
В стороне от дорог,
Прописался пчелиный
Хлопотной городок.

В это жаркое время
Гул над пасекой шел:
Не теряется племя
Абрикосовских пчел.

И стараются пчелы
По науке его,
В суматохе веселой
Не забыв ничего.

ГОРЬКИЙ КОРЕНЬ

В 1802 году помещик Я. С. Есипов и немец Е. И. Бланкенагель построили в селе Алябьево сахарный завод — первый в России.

Залетел деляга немец
В эти русские края.
Размечтался чужеземец
У студеного ручья:

— Бог ты мой, какое чудо —
Эта свекла у ракии:
Каждый корень больше пуда,
Сахарист и соковит!

Немец охал, немец ахал,
Чтоб соседа покорить:
— Из такой бы свеклы сахар
Удивительный варить!

Взволновался здешний барин,
Хлопнул немца по спине:
— За идею благодарен,
За компанию — вдвойне!

Так возник в красе и силе
Под алябьевской горой
Первый сахарный в России
И во всей земле — второй.

Только сахар тот варили
Для царя и для господ.
А в народе говорили:
— Сладок корень —
Горек пот!

39205-34

Много лет корпела с тяткой
В знойном поле у ручья,
Может, Фекла, может, Гапка —
Прапрабабушка моя.

И жила одна забота
У нее в худой груди:
Чтоб ни репки, ни осота —
Ни травинки позади.

Шла босая жесткой грядкой,
Забываясь как во сне.
Проступал тот сахар сладкий
Белой солью на спине.

Вырастало в поле чудо,
Разметав дремучий лист:
Каждый корень больше пуда,
Соковит и сахарист.

И дымил в красе и силе
Под алябьевской горой
Первый сахарный в России
И во всей земле — второй.

ПРЕДОК

Амчанина тебе во двор!..

Старинная поговорка.

Славился в округе
Давний предок мой
Бесшабашной руганью,
Удалью лихой.

Был неотразимо
Ловок и хитер.
Подводила сила —
Выручал топор.

Был он вороватый —
Близко не клади.
Жили цыганята
У него в груди.

Не сули амчанина
Никому вовек.
Предок был отчаянный,
Грешный человек.

Многого не требовал:
Шил, точал, ковал
И насущным хлебом
Бойко торговал.

Был кацап кацапом,
Бражничать любил,
Часто бабу цапал,
Во хмелю лупил.

Проживала шалость
У него в роду.
И купца, случилось,
Тряс за бороду.

Не сули амчанина
Никому вовек.
Предок был отчаянный,
Храбрый человек.

В древнем шлеме конника
Стлался над землей.
Соловья-разбойника
Усмирял с Ильей.

Верою и правдою
Он служил Москве.
Где-то за Непрядвою
Всыпал татарве.

Ни кромским, ни чернским
Спуску не давал,
Если кто амчанских
Срамно обзывал.

Я и сам отчаянный,
Лучше не трави.
Что-то от амчанина
У меня в крови.

У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ ЗЕЛЕНЫЙ

При виде строк и строф крученных
Меня охватывает злость:
О, сколько их, котов ученых,
На этом свете развелось!

Поройся в книгах и журналах,
Библиотекаря спроси:
О, сколько белок и русалок
На поэтической Руси!

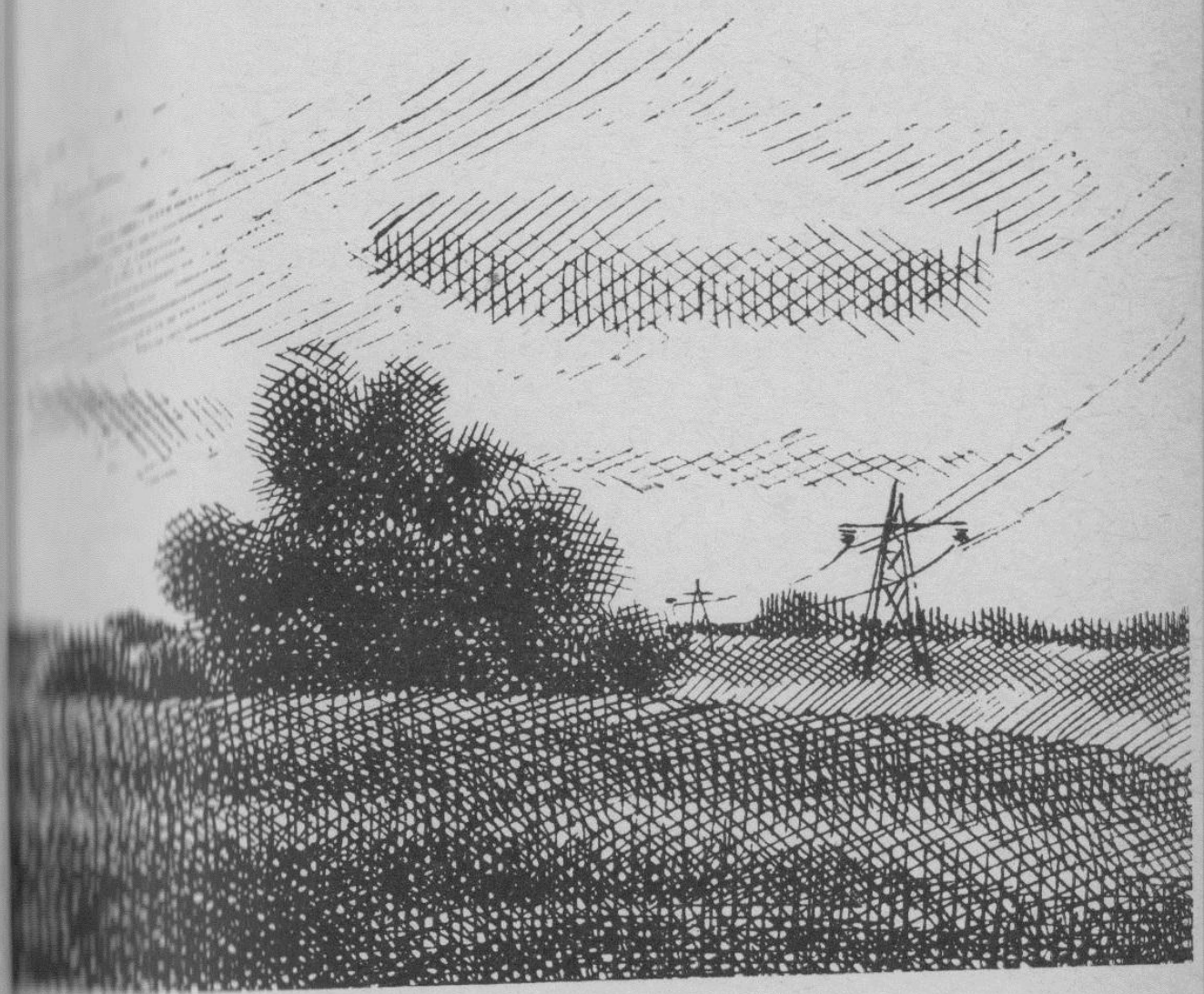
Я так люблю весну и осень
За необычную красу:
О, сколько их, берез и сосен,
Поэзия в твоём лесу!

И лишь шумит могучей кроной,
Корнями уходя в века,
У лукоморья дуб зеленый,
Один-единственный пока.

И все леса благоговеют
Перед его резным листом.
И никогда не заржавеет
Златая цепь на дубе том.

И все мы не похожи вроде
Своей судьбой ни на кого,
И все поныне ходим-бродим
На той цепи вокруг него...

* II *

БЕЖИН ЛУГ

Николаю Брауну

Все та же даль,
Все то же поле,
Все той же речки полукруг.
Душа заходится от боли,
Когда увижу Бежин луг.

Все так же светится в тумане
Среди дубов, среди раки
Костер моих воспоминаний,
Моих негаснувших обид.

Мой друг веселый и угрюмый,
Я снова завернул к тебе,
Чтоб поделиться горькой думой
О неустроенной судьбе.

Прости, что выслушать заставил,
Что запоздалый гимн пою,
Что безрассудно тут оставил
Любовь и молодость свою.

Давай-ка лучше вспомним снова
Среди житейских грустных дел
Того, кто нежно и сурово
Тебя прославил и воспел.

Горит и светится в тумане
Над ворохом обид и ссор
Костер иных воспоминаний —
Святой тургеневский костер.

МЫ

Л. М.

Мы не очень знамениты
И не шибко пряткие.
Но и мы не лыком шиты,
А суровой ниткою.

Эту нитку мать сучила
Вечерами зимними,
Чтобы — никакою силой,
Никакими ливнями!

В Дубках,
Да в Лужках,
Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать.
Узнали бы только на родине,
А где-то успеют узнать.

А здесь-то в года завирухи
Протопали мы босиком.
Я с детства во мценской округе
С любою тропинкой знаком.

Я в дружбе с любой луговиной,
Приятель для каждой тропы:
Сорочий зовет по малину,
Осинковец — по грибы.

Взойду на лесную опушку,
Присяду в тени у куста,
Знакомая с детства кукушка
Желает не менее ста.

Здесь даже зверье и пичуги
Считают меня земляком.
Ах, с кем не знаком я в округе?
С любою собакой знаком.

Бывает, конечно, бывает:
В какой-то неласковый час

Звягливая Моська облает,
Но Тузик мне лапу подаст.

В Дубках,
Да в Лужках,
Да в Скородинке
Смешно нам о славе вздыхать.
Признали бы только на родине,
А где-то успеют признать.

ЖУРАВЛЕНОК

Николаю Старшинову

Отстал от стаи журавленок,
Присел на Бежином лугу
Среди кустов его зеленых,
Столпившихся на берегу.

Я головой ему киваю,
А он не хочет улетать.
Видать, он сам покинул стаю,
Своих товарищей и мать.

Печально крыльями качая,
Трубили в небе журавли
И, журавленка окликаая,
Никак дозваться не могли.

Ах, несмышленный, несмышленный,
Не миновать тебе беды.
А он стоит, замороженный,
У голубеющей воды.

Ну что же, дорогой, ну что же,
Рискуй во имя красоты.
Я сам с чудачествами тоже,
Я сам дурашливый, как ты.

ЧУДАК

Городок,
Сиренью запорошенный,
Я вернусь когда-нибудь опять,
Чтоб, как в детстве,
Голыми подошвами
Твой асфальт шершавый целовать.

Может статья:
Опьяненно трезвый,
По дождю, по лужам, напрямиком,
Побреду по улице известной —
Да при всем народе! —
Босиком.

Буду тихо
Плакать и смеяться,
Позабыв, что — можно, что — нельзя.
Недрузи подпрыгнут от злорадства,
Схватятся за голову друзья.

Отрешенный и непогрешимый,
Буду шатко уходить вперед.
Чья-нибудь знакомая машина
Чудака в дороге подберет.

Я еще до дома не доеду,
А повсюду разнесется слух...
Позовет в больницу на беседу
Мой давнишний ученик и друг.

Я приду,
Скажу ему:
— Сережа,
Самый золотой из докторов,
Понапрасну ты меня тревожишь:
Я вполне нормален и здоров.

Мне бы обезуметь в самом деле
От житейской смуты и обид.
Да не время, брат, для канители,
Да мужская гордость не велит.

Ничего со мною не случится
В грустном одиночестве моем.
Может, только матери приснится
Босоногий мальчик под дождем.

ДЕТСТВО

Вечно мальчишки в России —
В речке, в овражке, в леске —
Желтую глину месили,
В желтом возились песке.

— Где-то в лощине совиной,
Очень далеко, сынок,
Есть еще белая глина,
Есть еще красный песок!..

Утром с большущей лопатой,
Чтоб не заметила мать,
Крался мальчишка сопатый
Белую глину копать.

Следом ватага затопала
Через чужую повесть,
Чтобы у Малого Теплого
Красный песок посмотреть.

Скрылся никем не замеченный
В поле ребячий десант.
Дома до позднего вечера
Ищут пропавших ребят.

Детство ни в чем неповинно.
Память стучится в висок:
Снится мне белая глина,
Снится мне красный песок...

В. Бурмистрову

Я целый день бродил по лесу,
Искал свои двенадцать лет:
Спущусь в овраг, на дуб залезу,
Гляжу-гляжу, а их все нет.

Я крикнул детству, обозленный:
— В последний раз тебя зову-у-у!
И вдруг ответил лес зеленый
Далеким и родным:
— А-у-у!..

— Эй, детство, подойди поближе:
Пучок клубники подарю...
Я думал: вновь его увижу,
По-дружески поговорю.

Но меж березок и осинок,
Задорным голосом звеня,
Мелькая пятками босыми,
Умчалось детство от меня...

ЗЕРНА

Мой дед всю жизнь пахал и сеял,
Не вылезая из села:
Мол, только б матушка Расея
Светло и радостно жила.

Я горд, что он корпел упорно,
Что не жалел для нас горба,
Что зреют дедовские зерна
В колосьях нашего герба!

Помню:
Дед, худ и сед,
Зашумит с полатей:
— Дай-ка, мать, соломаты,
Соломаты!

Дай-ка, мать, соломаты,
Чтоб взыграла сила:
Чтобы сеять, чтобы жать
Любо-милу было.

Хлебный дух, русский дух
Плыл по хате
От парной, заварной
Соломаты.

Деда нет, бабки нет —
Горькая утрата.
Да хранится секрет
Соломатный.

Попрошу родную мать,
Вспомнив детство:
— Дай-ка, мать, соломаты,
Дедовское средство!

Дай-ка, мать, соломаты,
Чтоб взыграла сила:
Чтобы сеять, чтобы жать
Любо-милу было!

ЗЕМЛЯНИКА

Чудак и труженик великий,
Мой дед, чтоб я не голосил,
Пучок душистой земляники
Всегда с покоса приносил.

Я выбегал ему навстречу,
Навстречу радости самой,
А дед сажал меня на плечи
И нес торжественно домой.

Мне вспоминается в разлуке,
Что пахли ягодой тогда
Его мозолистые руки,
Его седая борода.

Чудак и труженик великий
Шагал тропинкой луговой,
А звезды зрели земляникой
Почти над самой головой.

Я слышу говор кос и грабель,
Ползущий шорох волокуш.
Я в детстве сам косил и скрабил,
Хоть был коряв и неуклюж.

Опять пообнажили спину
Мои пригорки и луга.
Метает добрая машина
Цветы и запахи в стога.

И я беру в охапку лето,
Беру в охапку целый луг.
И у меня от ноши этой
В груди захватывает дух.

ЗИМА

*Анне Емельяновне,
моей матери*

Теперь у нас в Гудиловке
Сугробы выше крыш,
И ты на той развилке,
Печальная стоишь.

Теперь у нас на Снежеди
Метель, метель, метель.
И, вспоминая прежнее,
Надрывно стонет ель.

Теперь у нас на Мценщине
Снега, снега, снега.
И маленькая женщина
До боли дорога.

Теперь у нас в Орловии
Мороз, мороз, мороз.
И я сдвигаю брови
И не скрываю слез.

Теперь у нас в России
Зима, зима, зима.
И я от ностальгии
Во сне схожу с ума.

ТРЕВОГА

Пошлю красивую открытку
И пожелаю славно жить.
А мать присядет под ракушку
И станет снова ворожить.

На сердце —
Давняя тревога,
И карты подтвердят о том,
Что сына дальняя дорога
Опять ведет в казенный дом.

Заноют старенькие кости,
Глаза замутились от слез:
— А говорил, что скоро в гости.
А собирался на покос.

Эх, хороша трава в овраге!
Теперь от думок не засну.
Пойду-ка дедовы рубахи
Пока на речку сполосну.

Валек попробует руками,
Вздохнет, что стал тяжеловат.
И ну лупить замшелый камень,
Как будто камень виноват...

ДОМОЙ

Окидываю мысленно
Лощины и леса.
От Жилино до Кислино
Всего-то два часа.

Дорога, чай, наезжена,
Глядишь, да повезет.
А все-таки по-прежнему
Под ложечкой сосет.

У матери хвороба,
А батя тоже скис.
Деревья гневно ропщут
Сквозь снежный пересвист.

Завьюжило, завьюжило —
Ни колеи, ни звезд.
А мне протопать нужно
Еще десяток верст.

Хлестает ветер плетью,
Захватывает дух.
И огонек последний
За ветками потух.

Заледенели руки,
Совсем не чую ног.
Нетерпеливо стучаю
Ботинком о порог.

Мать,
Страхивая дрему,
Опять корит меня:
— Видать, совсем от дому
Отбился, бродяжня!

Я зябко руки прячу
И хохочу сквозь боль.
И лишь ботинки плачут
На деревянный пол...

ГРЕШНИК

Было буднично и просто
На душе и за душой.
Мимо сельского погоста
Торопился я домой.

Посмотреть бы мне направо,
Поклониться до земли
Тем могилам за канавой,
Что сиренью заросли.

Помянуть бы добрым словом
Всех сородичей своих,
Чтоб под этим жестким кровом
Было мягче праху их.

Ничего бы не заметил
И не вспомнил бы, увы!
Если б шляпу встречный ветер
Не сорвал бы с головы...

МУРАВЬИ

Я устал на покосе,
Развалился в траве.
От березы к березе —
Муравьи в мураве.

Эти даром не бродят,
Не теряют свой след,
И меня переходят,
Как Уральский хребет!

ПОДОРОЖНИК

Ни скрип колес тележных,
Ни топот конских ног
Не потревожат прежних,
Заброшенных дорог.

А он дорогой бредит,
А он упрямо ждет,
Что кто-нибудь проедет,
Что кто-нибудь пройдет.

Все слушает, все слушает
Минувших дней мотив,
Развесистые уши
По ветру наострив...

СЕРДЦА

Перекрестив досками ставни,
Заколотив досками дверь,
Жильцы покинули Муравню
И где-то странствуют теперь.

А может, справив новоселье
И крест поставив на селе,
Они прижились и осели
Навечно в Туле и Орле.

А где-то в Лисьем и Сорочьем
От прежних дней остались пни,
И, как больные зубы ночью,
Покоя не дают они.

А где-то домик в два окошка,
Где мыши шастают теперь
И много лет скребется кошка
В ту заколоченную дверь.

И грудь мучительно занает,
И вдруг захочется с тоски:
Кому в Щеглы,
Кому в Хмельное,
Кому в Зеленые Лески...

Чтоб целый день пешком отмерив,
Взгрустнуть у старого крыльца...
Видать, забиты только двери —
Не заколочены сердца.

БРАТВА

В семью рабочую зачислена,
Нагрывает в парк в субботний день
Братва из Теплового и Кислино
И прочих дальних деревень.

Сойдясь за доброй кружкой пива,
Припоминают земляки
И деревенские мотивы,
И родословные пеньки.

И словно в давней деревушке,
Где был бедовый пятачок,
По вечерам звенят частушки
И каблучок — о каблучок.

Еще живет обычай древний
И прошлых дней не стерся след.
В любом подъезде тут деревня
И в каждом доме — сельсовет.

И вовсе не беда, что ныне
У них особая страда:
Ребята плавят алюминий
И бьют рекорды иногда.

Их не балуют шибко славой,
Но дружно верят в их успех
И вся рабочая держава,
И боевой плавильный цех.

ХОЗЯИН

Вспомнил дед забитый дом,
В деревеньке брошенный:
Там теперь бурьян кругом,
До сих пор не скошенный.

Там в заветном уголке,
Тряпочкой повитая,
Ждет коса на чердаке,
Загодя отбитая.

Надевает дед штаны
И рубаху свежую.
И подался от жены
На усадьбу прежнюю.

Что ты, брат, ни говори,
А коса бедовая:
Лихо порет купыри,
Лопухи садовые.

Завернул знакомый дед,
Усмехнулся в бороду:
— Знать, соскучился, сосед?
Не сидится в городе?

— Да без дела не сижу,
Как тебе сказать бы:
Вот порядок навожу
На былой усадьбе.

Сам протер косу травой
И вздохнул нечаянно:
— Чтоб не думал домовый
Плохо про хозяина...

ПЕТУХ

Еще темно в деревне
И мирно спит народ,
А он зарю на гребне
Выносит из ворот.

За гребень красно-бурый,
За шпоры-востряки
Его любили куры,
Хвалили старики.

Сноровистый и смелый,
Взлетал он на сарай.
Горланил очумело,
Хоть уши затыкай.

— Опять распелся, ухарь?
— Опять накличешь гром? —
Не выдержит старуха —
С метлой за петухом.

— Ну я тебе, анчутка,
Дурную — оторву! —
Свалился гребень чудный
В зеленую траву.

Померк огонь на гребне
В один из грешных дней.
Спокойнее в деревне
И, кажется, темней...

УПРЕК

Она живет светло и тихо,
Без лишней грусти и забот.
Однажды в месяц почтариха
Вручает скромный перевод.

— Видать, еще не позабыли,
Что я, бездельница, живу!
А ведь была когда-то в силе —
Косила здорово траву!

И станет бабушка делиться
Своим старушечьим «ку-ку»:
Какие были-небылицы
Перевидала на веку.

— До самой смерти не забуду,
Как тяжки плуг и борона,
Как по распутию по два пуда
Таскала раньше семена.

Теперь-то нету прежней боли,
Не по-людски, а кое-как:
И без души картошку полют,
И свеклу тяпают не так!

Чего и не было в помине:
На каждой былочке — паук,
И в огород пробрался ныне
Какой-то чужеземный жук...

И беды все — от недогляда,
От лени-матушки, от ней.
И до того берет досада,
Что просто стыдно за людей.

И ты подумаешь невольно,
Вздыхая над чужой судьбой,
Что всем-то бабка недовольна,
А если вдуматься — собой!

ПАСТУШЬЯ СУМКА

Все тяжелей, все тяжелей
Пастушья сумка.
Налей, старуха, не жалея
Полнее рюмку.

Налей за счастье пастуха
Под небом синим,
За наши русские луга,
За мать-Россию.

Я вспомню зной и холода,
Жару и ливни.
Я был отчаянный тогда
И был счастливый.

Меня боялся лютый зверь,
Любило стадо.
А вот теперь, а вот теперь
Душа не рада.

Теперь пугают хворь и лень,
На сердце зябко.
Не греет даже в летний день
Баранья шапка.

Хожу-брожу, как неживой,
Ступаю слепо,
И кажется над головой
С овчинку небо.

Все тяжелей, все тяжелей
Пастушья сумка.
Налей, старуха, не жалей
Полнее рюмку.

Налей, старуха, я не пьян:
За мать-Россию
Я, может, даже не стакан,
А два осилю!

ОБИДА

Тетка возит молоко —
Пять бидонов в бричке.
Десять верст — далеко,
Если без привычки.

Сбочь дороги у межи
Буйная зеленка:
Хоть корове положи,
Хоть подбрось теленку.

Мерин влево глаз косит,
Голову воротит.
— Шевелись, паразит! —
Обругает вроде.

— Шевелись, а то врублю,
Вредная натура:
Каждый шаг по рублю,
А губа — не дура!

Ну, а мерин хватить да хватить
Той зеленки с вижкой:
«Все равно — отвечать,
Все равно рыкает.

Говорят, раньше здесь
Были мы в почете.
А теперь какая честь
Вот от этой тети?

А теперь какая жизнь —
Ругань всю дорогу:
Шевелись да шевелись,
А овес не трогай!»

СПОР

Снова сын с невесткой
Деда атакуют.
Снова очень веско
Старику толкуют:

— Главная усадьба,
Дивная квартира:
Жить да поживать бы
На виду у мира!

Дед не хочет слушать,
Гневен и упорен:
— Значит, дом порушить
и порушить корень?

— Не мели, Емеля,
Корень корню — рознь:
Там земля-земелька,
Тут копни и брось.

Дед собрался с духом,
Режет правоту:
— Значит, брось старуху,
Словно сироту?

— Ты оставь в покое
Матушкины кости:
Соберемся трое,
Вспомним на погосте.

Дед рукою дряблой
Трет со злостью лоб:
— Ну а сад? А яблоньки?
Лучше сразу в гроб!

Вырыли антоновки,
Увезли с собою.
А в саду воронки,
Словно после боя.

ДОМ

Вот и вывели стропила,
Замостили потолок.
Солнце щедро окропило
Окна, стены и конек.

Заплутавшийся случайно
Позавидовал скворец.
Только тайна,
Только тайна,
Для кого такой дворец.

Может быть, дорожка к дому
Станет милой и родной
Молодому агроному
И медичке озорной.

Дом построен,
Дом построен,
Поглядишь — раскроешь рот.
Ну а кто его достоин,
Пусть рассудит сам народ.

А пока,
Большой и гладкий,
Кот об угол трет бока,
Да залетные касатки
Вьются, вьются у конька.

МИКУЛА

Поле, как в былине, за рекой,
Только не посвистывал оратай,
Не скрипела сошка под рукой,
Под его рукою узловатой.

День оглох от шума скоростей,
От лихого рокота и гула.
Узнаю тебя по борозде,
Озорной гудиловский Микула!

Ты меня за шутку не ругай,
Ибо я души в тебе не чаю:
Люди величают — Миколай,
Ну, а я Микулой величаю.

Не отнимешь —
Ладен и пригож!
Залюбуюсь иногда украдкой:
Шибко на Микулу ты похож
И лицом, и силою, и хваткой.

Я учил былину наизусть,
Ты прочел по-своему былину:
Бросил сошку за ракитов куст
И охотно пересел в кабину.

ХЛЕБ

Свежий хлеб — ржаное чудо —
На моем лежит столе.
Без него бывало худо,
Очень худо на земле.

Пухли руки, пухли ноги —
Человек слабел и слеп.
До последней малой крохи
Отдавался людям хлеб.

Я раскаиваюсь горько,
Не забыть того греха:
Я швырнул однажды корку
В забияку-петуха.

— Запорю! — вспылила бабка,
С хлебом, мальчик, не дури:
Перед ним снимали шапку
Даже грозные цари...

ГРАЧИ

Зарос кувшинками и ряскою
У берегов старинный пруд.
А над его плотиной тряскою
Грачи отчаянно орут.

Ах, это снова у дороги
Крест-накрест забивают дом.
Вот почему грачи в тревоге,
Вот почему такой содом.

Опять кого-то по разлужью
Дорога в город повела.
Грачи не могут равнодушно
Смотреть на грустные дела.

Они не терпят вероломства,
У них совсем наоборот:
Крепить гнездо,
Растить потомство
И продолжать грачиный род.

ЗАБЫТАЯ РЕЧКА

Были мельницы и запруды
На моей не приметной реке.
Плавал селезень сизогрудый
С белой утицей в тростнике.

Озорно шевеля плавниками,
В наши верши и кубари
Шли игривыми косяками
И синички, и пескари.

Здесь барахталась очумело
Голопузая ребятня.
Сердце екало, сердце пело,
Сердце прыгало у меня...

Отчего же нерадостно стало,
Неприятно и сиро окрест?
Словно вслед за людьми убежала
Эта речка из брошенных мест.

Пахнет тиной, тянет гнилью
Над загложшим ее бочажком.
Вязнут гуси в зеленом иле,
Бродят гуси по дну пешком.

Где вы, мельницы и запруды
На моей не приметной реке?
Где ты, селезень сизогрудый
С белой утицей в тростнике?

Это память зовет и жалеет,
Что ушло и уходит навек.
Говорят, если реки мелеют,
То мелеет душой человек...

ЩЕГЛЫ

Была в России деревенька
С веселым именем — Щеглы.
Была такая деревенька —
Теперь ни хаты, ни ветлы.

Кругом немое запустенье,
Да непролазный чернобыл,
Да у канав кусты сирени,
Как будто холмики могил.

Да с той поры безмерно тяжкой,
Когда людей настигла смерть,
Горит рябина у овражка
И все не может догореть.

Пускай невыразимо горько
Порой на сердце у меня —
Горит рябина у пригорка,
Как символ вечного огня...

ГУСИ

Девчата сидели и пели,
Тревожа больничный покой,
Как серые гуси летели,
Спешили с чужбины домой.

А гуси весну уносили
На Зушу, на Снежедь, на Чернь.
Во Мценске теперь, в Новосиле...
Ручьи по дорогам теперь.

— Эй, гуси! — отчаянно-дико
Я стае вдогонку кричу.—
Возьмите меня, горемыку,
Я с вами домой улечу.

Меня напоили бы соком
Березы в заречном краю.
А тут я брожу одиноко
И воду противную пью.

И я напрягался в бессилье,
И снова впадал в забытье.
А гуси несли над Россией
На прутике сердце мое.

ЯЗВА

Мне давно друзья толкуют:
Мол, женись скорее, черт!
Все болезни сразу сдует,
Сразу язва заживет.

Понимаю, принимаю
Добрый дружеский совет.
Долго голову ломаю:
То ли верить,
То ли нет?

Я хожу смешной, несвязный,
С тяжкой думой в голове.
Проживу с одною язвой,
Не хочу, чтоб было две...

КОРОТКАЯ СТРИЖКА

Бывало, щеголяли девки
Тугими косами до пят.
Вовсю горланили запевки,
Сводили сплетни про ребят.

Теперь все реже, реже, реже
Встречаешь косы у девчат.
Иная так себе подрежет,
Что только кончики торчат.

А все равно живут интрижки,
С кумою лается кума.
Ей-богу, от короткой стрижки
Не прибавляется ума!

ЦАРЕВНА

Махнув рукою на деревню,
Закутав голову в метель,
Умчалась глупая царевна
Почти за тридевять земель.

А я сижу, забыв упреки,
Один в печали и тоске:
Быть может, бродит без дороги?
Быть может, жизнь на волоске?

Быть может, где-то просит жалобно,
Чтоб я ее от смерти спас.
Лишь только серый волк, пожалуй,
Меня бы выручил сейчас.

Я обыскал бы все окрестности,
Любой из дальних уголков.
Ах, как мне жаль,
Что в нашей местности
Перестреляли всех волков!

* * *

Отпадают год от года
Закадычные друзья,
Словно листья в непогоду,
Завихряясь и скользя.

Не виню, не укоряю,
Лишь в душе такая грусть,
Будто сам себя теряю,
Сам с собою расстаюсь.

ЗАПОВЕДЬ

Скажут:

— Самый красивый! —
Улыбнись и поверь:
Не красивый, а сивый —
Это модно теперь.

Скажут:

— Мудрый из мудрых! —
Ну, а ты не мудри:
Станешь ясным, как утро
На исходе зари.

Скажут:

— Главный из главных! —
Станут шапку ломать:
Это очень забавно —
Постарайся понять.

Скажут:

— Лучший из лучших! —
Станут медью греметь.
Ради бога, голубчик,
Не спеши захмелеть.

Тех, что дружно шумели,
Не найдешь никого:
Будет горьким похмелье
Для тебя одного!

Все смешается во мгле —
Быль и небыль.
Жил и не жил на земле,
Был и не был.

Если пылко не любил,
Страсть не ведал,
Значит, юность загубил,
Душу предал.

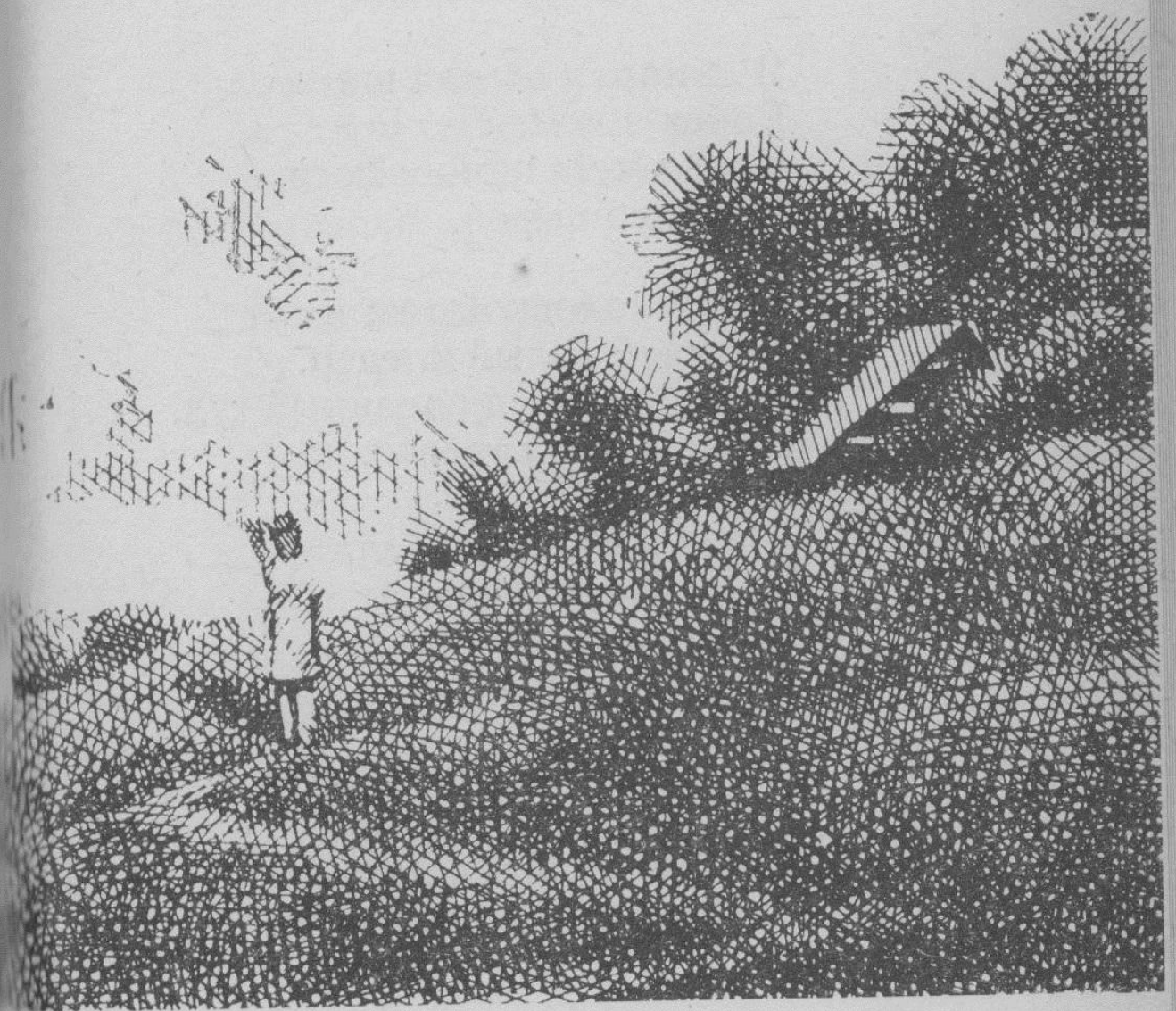
Если жил среди людей
Одиночкой.
Значит, был для них ничей,
Мертвой почкой.

Если кровь и лебеду
Не отринул,
Значит, общую беду
Сердцем принял.

Если доброе зерно
В жизни сеял,
Значит, в мире заодно
Жил со всеми.

Если спутники во мгле
Нам светили,
Значит, жили на земле,
Значит — были!

* III *

ЛИСТОПАД

Скоро вьюга запенится
У садовых оград.
А пока на Тургеневской
Золотой листопад.

Листья весело кружатся
У людей на виду,
Оседая на лужицы,
На дорожки в саду.

Небо дышит прохладой,
Дождь стучит по плащу.
Ни на что не досадою,
Лишь украдкой грущу.

Где ты, вешняя звончатость,
Переливчатый смех?
Вот и молодость кончилась,
Скоро выпадет снег.

Скоро все запорошится:
И кусты и трава,
И сырые дорожки,
И моя голова.

Скоро вьюга запенится
У садовых оград.
А пока на Тургеневской
Золотой листопад.

ТРАВОСТОЙ

Где тот дремучий травостой
Лихой поры военной?
Такой высокий и густой:
Взмахнешь — вязанка сена.

Была та буйная трава
Загадочной немножко:
Темнели тайной острова
Зеленого горошка.

Я замирал за два шага,
Робея и немея
Перед метелкой овсюга
И пикою пырея.

Кивал головкой там и тут
Пахучий белый клевер.
Над ним стоял пчелиный гуд,
Тревожен и напевен.

Трава отчаянно цвела,
По-бабьи жировала.
Земля хозяина ждала,
Ждала и горевала.

Земле хотелось щедрой быть,
Земля звала хозяина.
Вот здесь учился я косить
И жить и думать заново.

ГОРЬКИЕ ДОРОГИ

Упорно не забываются,
Все вспоминаются мне
Дороги эвакуаций,
Ведущие по войне.

Тянуло полынью горькой,
Палило огнем лучей.
Несла меня мать на закорках
И узелок на плече.

Брела в поводке корова
И ревом сводила с ума.
В запасе — ни хлеба, ни крова,
В запасе — лихая зима.

Мне никуда не деться,
От памяти не убежать:
По этим дорогам из детства
Меня уносила мать...

КУТЬЯ

Дороги днем и ночью
Под танками пылят.
Скирды не обмолочены,
Заброшены в полях.

У бабки сердце колет,
У старой жар-озноб.
Пойду я в чисто поле,
Возьму пшеничный сноп.

Рука моя проворна,
Сноровиста рука.
Упруго брызжут зерна
На шаль из-под валька.

А я сильнее шпарю,
А я азартней бью:
Ведь завтра бабка сварит
Пахучую кутью!

ПУЧОК КАЛИНЫ

Металась бабушка во сне,
Шепча бессвязно:
— Калинки мне,
Калинки мне,
Калинки красной...

Лежала старая, бледна,
В лихой простуде.
А в том саду была война,
Чужие люди.

Снялась из сада солдатня,
Ушли машины.
А возле камня, возле пня
Притихли мины.

Не трогай деревце за ствол,
Не трогай ветку.
Уж подорвался рыжий вол,
А следом — Гнедко.

А дома в душной тишине
Беда нависла:
— Калинки мне,
Калинки мне,
Калинки кислой...

И я бегу в запретный сад
Заглохшей тропкой.

И я ступаю в этот ад
Ногою робкой.

Повисла жизнь на волоске
Немецкой мины.
Но трепетал в моей руке
Пучок калины!

ПИРУШКА

Далеко ушла война,
Укатили пушки.
Баб попутал сатана
На лихой пирушке.

Ни дороги, ни следа.
Зимно и безлунно.
Рвет ветряка провода,
Словно ухарь струны.

Подгулявшие в гостях
Прыснут молодайки:
— Во наяривает, враг,
Как на балалайке!

В хате пляска, в хате гром,
Встречно-поперечно.
Ходит пол ходуном,
Вздрагивает печка.

— Не жалей каблуки,
Новые закажем.
Вот вернутся мужики —
Мы не так спляшем!

ЛЕДОХОД

Слышен треск на всю округу,
Шум на всю околицу.
Льдины бьются друг о друга,
Друг о дружку колются.

Трутся льдины, трутся льдины
В голубое крошево.
Мост в испуге выгнул спину,
Словно кот взъерошенный.

Затаив в душе тревогу,
Матросня отважная
Провожает в путь-дорогу
Лодочки бумажные.

Уплывало наше горе,
Наше детство сирое
Прямо в море, прямо в море,
Прямо в море синее...

ПРОЩАНИЕ

Я уезжал,
Я на вокзал спешил,
И, может быть, на вечную разлуку
Я торопливо жал ребятам руку,
С которыми три года прослужил.

Прощай, казарма,
Мой солдатский дом!
Я двери не закрою за собою.
Я знаю: мне последний был «подъем»
И не было последнего «отбоя».

ПАХАРИ

Шел поезд берегом Аракса
В глухие поздние часы.
А ночь была черна, как вакса,
У пограничной полосы.

Лишь ночь от поезда отстала,
Туманы в горы уползли,
Перед глазами замелькала
Полоска вспаханной земли.

Везде граница на задвижке
Для глаз чужих, для ног чужих.
Молчат сторожевые вышки,
Дежурят пахари на них.

Они хранят надежно Родину
И от отцовских мест вдали
Усердно пашут и скородят
Полоску узкую земли.

ПЕСНЯ

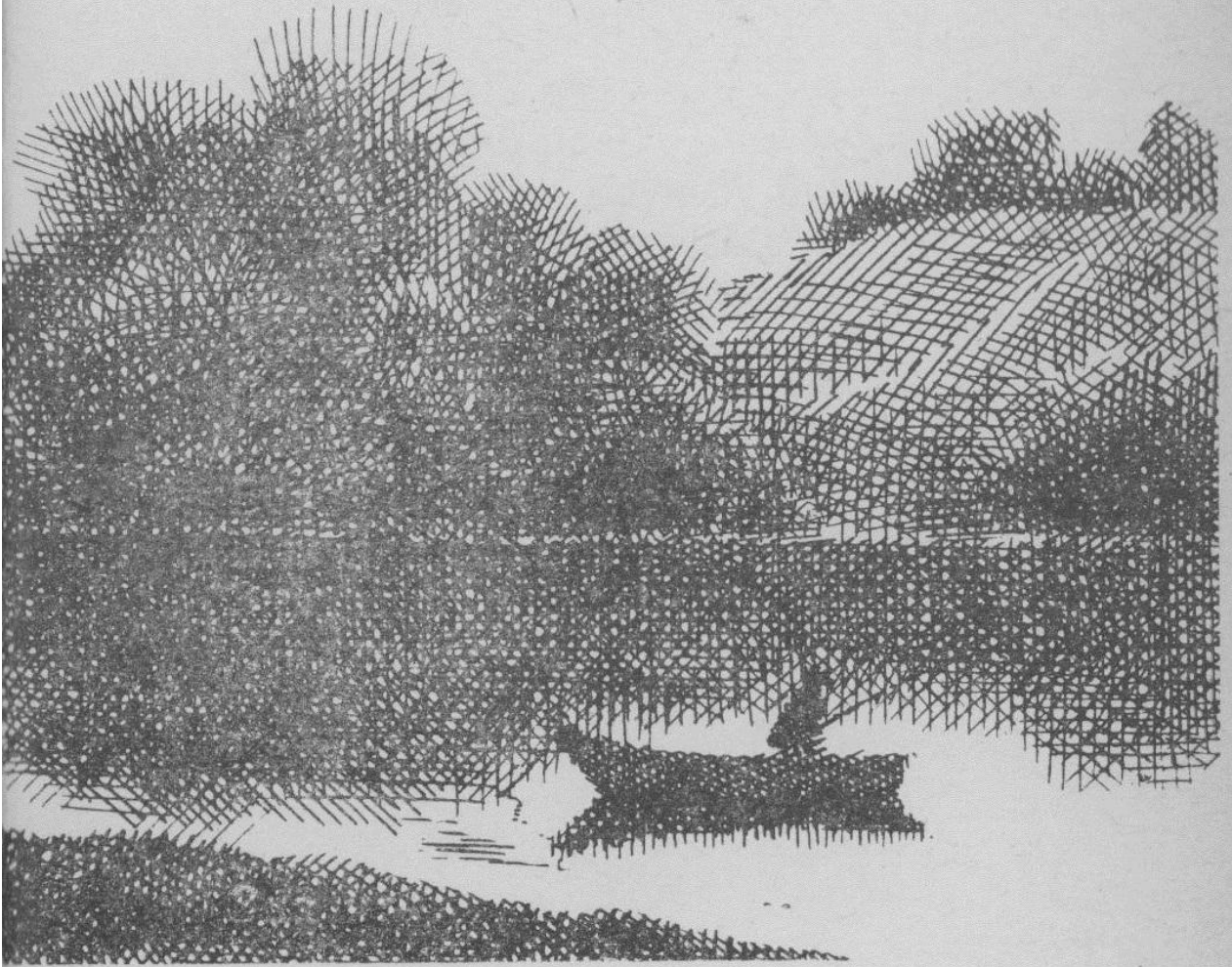
Затосковав о русских косах,
О голубых глазах девчат,
Ребята пели о березах,
О тех березах, что не спят.

То утопая в синем шуме,
То набирая высоту,
В минуты горестных раздумий
Звучала песня на борту.

Она звала на подвиг ратный
Перед лицом военных гроз.
Была мучительно понятной
Для всех бессонница берез.

А у меня невольно слезы
Нахлынули из глубины:
Ведь эти самые березы
Из нашей дальней стороны.

* IV *

МОСТ

Под тяжестью обид сутулясь,
Превозмогая боль и злость,
Я покидал тебя и юность,
Сжигая за собою мост.

А мост был шаткий и скрипучий,
Висел над самою водой,
Грозя разлукой неминучей
И неминучею бедой.

Я жег в огне любую малость,
Что дорога и свята мне,
Чтоб ничего не оставалось
На той постылой стороне.

Мои друзья отлично знали,
Что совесть у меня чиста.
А все же думали в печали:
«Ну, как же речке без моста?»

Я уходил в закат багровый,
Превозмогая боль и злость,
А люди возводили новый,
Надежный и красивый мост.

ПАМЯТЬ

С. П.

Опять знакомая дорога
Меня на Снежедь привела.
Затихла давняя тревога,
Душа спокойна и светла.

И лишь по-прежнему над полем,
Не умолкая никогда,
Моей невысказанной болью
Гудят и стонут провода.

СЛЕДЫ

Я не забыл,
Я не забыл
Следы над Снежедью и Зушей.
Я так мучительно любил
Глаза, затопленные стужей.

Ты не поймешь,
Ты не поймешь,
Какой заплачено ценою
За эту голубую дрожь,
За это счастье ледяное.

В последний раз,
В последний раз
Я протянул на дружбу руку.
А ты плеснула стужей глаз
И гордо предпочла разлуку.

Я не виню,
Я не виню,
А горько-горько сожалею:
Я подчеркнул любовь свою,
Ты подвела черту под нею.

КОШКА

Лето сыпало дождями
Да отборными.
Пробежала между нами
Кошка черная.

Осень желтыми лесами
Лето выжила.
Пробежала между нами
Кошка рыжая.

А зима мела снегами
Вечность целую.
Пробежала между нами
Кошка белая.

Май в округе полыхает,
Осыпая нежный цвет.
Что же нам теперь мешает?
Ведь зеленых кошек нет.

* * *

Я давно тобою спутан
По рукам и по ногам.
Мчатся годы, как минуты,
Только воз поныне там.

Сколько можно жить в разлуке?
Я прошу тебя, прошу:
Развяжи мне только руки —
Ноги сам я развяжу.

РАЗЛУКА

На старой полтевской дороге
Мы расставались два часа.
Непримиримые, как боги,
Мы правду резали в глаза.

Я уходил от поединка,
А на ветру в ее руках
Металась белая косынка,
Как запоздалый белый флаг.

МЕЛОЧЬ

Я открываю слишком поздно,
Что ты порой со мной была
То легкодумна, то серьезна,
То равнодушна, то мила.

За все улыбки и приветы,
За все, чем очарован был,
Платил я крупной монетой,
Я круглой суммой платил.

Моим ошибкам и удачам
Ты хладнокровно счет вела:
Ты возвращала честно сдачу,
А сдача мелочью была!

Я давно в любовь не верю,
Все равно назло беде
Обниму холодный берег,
Свешу голову к воде.

Я украдкой поцелую
Речку Снежедь в лозняке,
Словно жилку голубую
У любимой на руке.

РАЗРЫВ-ТРАВА

Какие горькие слова,
Какие бессердечные:
Разрыв-трава, разрыв-трава,
Разрыв на веки вечные.

А мне до боли дорога
Любовь моя угарная.
Пойдем в луга, пойдем в луга,
Сорвем траву коварную.

Дурной траве не место тут
С ее цветами жуткими.
Пускай цветут, пускай цветут
Ромашки с незабудками!

Ну-ка, память, трогай дрожки
В Слободу Стекольную —
Прямоезжею дорожкой,
А не то — окольною.

Мне знакома та и эта,
Той и этой хаживал.
А теперь дороги нету,
Нету и не спрашивай.

Значит, память, прямо к лугу,
Прямо к лугу Бежину.
Навестим бывшего друга,
Поклонимся прежнему.

Погорюем там немножко,
Что любовь оставила.
Заколодела дорожка,
Ой, да замуравела.

СОДЕРЖАНИЕ

I

О СЕБЕ	4
СВЕТ	6
СНЕЖЕДЬ	7
ДЫМ ОТЕЧЕСТВА	9
ЛЕГЕНДА О КУКШЕ	11
САМОРОД	13
ЗАТИШЬЕ	15
ГОРЬКИЙ КОРЕНЬ	17
ПРЕДОК	19
У ЛУКОМОРЬЯ ДУБ ЗЕЛЕНЫЙ	21

II

МЫ	24
«В ДУБКАХ...»	25
ЖУРАВЛЕНОК	27
ЧУДАК	28
ИМЯ	30
ДЕТСТВО	32
ЭХО	33
ЗЕРНА	34
«ПОМНЮ: ДЕД, ХУД И СЕД...»	35
ЗЕМЛЯНИКА	36
«Я СЛЫШУ ГОВОР КОС И ГРАБЕЛЬ...»	37
ЗИМА	38
ТРЕВОГА	39
ДОМОЙ	40
ГРЕШНИК	42
МУРАВЬИ	43
ПОДОРОЖНИК	44
СЕРДЦА	45
БРАТВА	46
ХОЗЯИН	47
ПЕТУХ	49
УПРЕК	50
ПАСТУШЬЯ СУМКА	52
ОБИДА	54
СПОР	56
ДОМ	58
МИКУЛА	59
ХЛЕБ	60
ГРАЧИ	61
ЗАБЫТАЯ РЕЧКА	62
ЩЕГЛЫ	64
ГУСИ	65
ЯЗВА	66
КОРОТКАЯ СТРИЖКА	67
ЦАРЕВНА	68
«ОТПАДАЮТ ГОД ОТ ГОДА...»	69
АПОВЕДЬ	70
«ВСЕ СМЕШАЕТСЯ ВО МГЛЕ...»	71
ЛИСТОПАД	72

Детство Ивана Александрова прошло в деревне Гудиловка Мценского района Орловской области. После окончания Тульского пединститута учительствовал на Алтае, служил в армии.

С 1958 года живет во Мценске.

Книги Ивана Александрова выходили в издательствах «Советский писатель», «Современник». Стихи его публиковались в областных и центральных газетах, сборниках, в журналах «Смена», «Подъем», «Москва», «Звезда».

